

«Расскажите о Татьяне Лещенко-Сухомлиной, замечательной певице и писательнице. В сентябре прошлого года прочитала в вашей газете неопубликованные главы ее книги «Долгое будущее». Поразила судьба этой женщины, сила духа, с которой пережила она ужас сталинских лагерей. Мне кажется, мы должны сейчас всей душой своей внимать этим людям, должны пристальнее вглядываться в их лица. Ведь они — самое дорогое, что у нас есть, наша история, культура, помогающая выжить в нынешние, скупые на любовь времена».

ЕКАТЕРИНБУРГ.

А. ЛЕБЕДЕВА.

«ПОСЛЕ ЛАГЕРЕЙ МНЕ НИЧЕГО НЕ СТРАШНО»

— Не кляни это время, ты не права, — говорила Татьяна Ивановна кому-то по телефону. Я сидела напротив, и разговор этот остался в памяти.

— Все перемереется, вот увидишь. Ведь какой ужас мы пережили! Мне, если хочешь знать, после лагеря вообще ничего не страшно...

Прощавшись, положила трубку, откинулась на спинку любимого кресла. И такие живые, глубокие глаза ее вдруг похолодели, стали отчужденно-строгими.

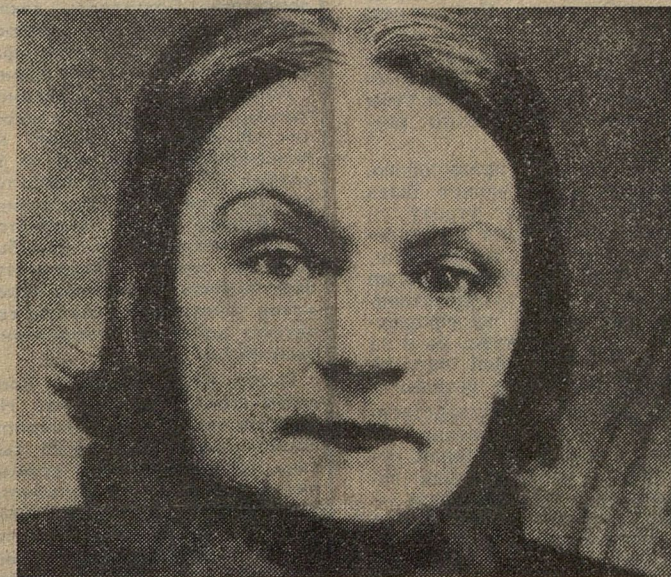
— Да, после лагеря мне ничего не страшно. Но даже в самые первые дни ареста я верила: весь этот бред когда-нибудь рассеется.

Могла ли она предвидеть тогда, что жизнь ее так круто переменится?... Дочь ученого-агронома и пианистки, воспитанница Екатеринбургского института благородных девиц, Татьяна Лещенко с детских лет страстно любила музыку, мечтала путешествовать. В 20-е годы она уезжает в Америку. Заканчивает школу журналистики при Колумбийском университете, выступает на сцене Нью-Йоркского театра новых драматургов. Потом был Париж — море новых впечатлений и первый литературный опыт. В 1931 году Лейпцигское издательство «Петрополис» публикует ее перевод нацумевшей книги Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей».

В Париже Татьяна выходит замуж за русского скульптора Дмитрия Чаплина, командированного Луначарским в Европу на стажировку. Вместе они много ездят по свету, живут в Мадриде, на Майорке, в Лондоне. Чаплин создает свои лучшие скульптуры, Татьяна поет, собирает фольклор. Их творчество любят и почитают на Западе. Но в России, куда они окончательно вернулись в конце 30-х годов, их не признали...

Татьяну Лещенко арестовали по статье 58—10. Близкая подруга донесла на нее. После года тюрьмы на Лубянке и в одиночке тюрьмы в Лефортове ее отправляют на Воркуту, присудив восемь лет лагерей.

— Однажды в Кирове, на пересылке, я познакомилась с москвичкой Евгенией Спиридоновой Шмидт, будущей моей дорогой подругой. Она была тогда в жутком состоянии, хотела повеситься от отчаяния. Но я сказала ей: «Да ведь за миллион рублей вы не смогли бы купить билет на

это тюремное зрелище. Это же интересно!» Она не повесилась.

В те трудные годы ей часто вспоминалась Майорка, красивые мудрые глаза Кальехо — знаменитого бродячего гитариста, который сказал ей однажды:

— Я желаю вам счастья, Татьяна. Ваши песни прекрасны. Мне кажется, они способны разбудить самое грубое, каменное сердце.

Жизнь не раз подтверждала его слова. В ту первую ночь на Воркуте их посадили вместе с уголовниками. К ней подошла старшая блатная:

— Ты кто? Что делаешь?

— Я пою.

— Тогда пой.

— Хорошо. Но с условием: вокруг меня должно быть просторно и тихо.

Все замолчали и расступились. Она запела. Это был один из любимых ее романсов на стихи поэта прошлого века.

Когда умолк последний звук, в бараке еще долго стояла тишина. Потом старшая отчеканила: «Ее — не трогать! Она в законе».

— У меня с Воркутой связано очень страшное, невыносимое воспоминание. Многие годы я была ледяной, мертвой... Но всегда, что бы ни случилось, старалась оставаться собой, сохранять душу. А еще очень верила в людей...

Из Воркуты, этапом, ее отправили на станцию Сивая Маска, в совхоз «Горняк», где, желая заработать зачеты и сократить срок, Татьяна Ивановна взялась выполнять самую тяжелую, небла-

годарную работу. Блатные над ней издевались, а кое-кто из «58-х» плакал, жалеючи. Она относилась равнодушно и к жалости, и к издевкам. Думала об одном: теперь ей пойдут зачеты, и срок, наверное, удастся сократить. Но ради этого нужно работать, много работать.

Вскоре ее оставили в покое. Кто-то даже пустил по лагерю фразу, что, мол, и в этом кошмаре культура человека чувствуется. А одна рослая воровка-рецидивистка, которая прежде орала на нее зычным басом, теперь почтительно раскланивалась: «Доброго здоровья, Татьяна Ивановна!» На что она всегда вежливо отвечала: «Здравствуйте, Сергеева».

Но одному только Богу было известно, что творилось в душе у нее. Шло первое лето заключения. Безысходная тоска по детям, по воле рвала сердце в клочья, давила тяжело.

— Однажды по дороге из барака мне повстречалась молоденькая девушка, из заключенных. Она внимательно посмотрела на меня и сказала: «У вас прекрасное лицо. Я вас давно заметила. Но почему вы все время такая печальная?»

«Потому что в неволе. Мне еще семь долгих лет здесь...»

«Послушайте! — воскликнула она. — Но ведь здесь же так красиво! Неужели вы ничего не видите?... Меня Лидой зовут. Я из Москвы, художница. Всю жизнь мечтала Север писать, и даже рада, что сюда отправили. Вы видели, какие здесь цветы?

Удивительные, особенно в проталинах. Я вам принесу, обязательно принесу»...

Вскоре Лидя пришла с букетиком лиловых колокольчиков. Трогательных, на тонких пушистых стеблях. Потом мы еще часто с ней встречались. И каждый раз она приносила цветы. Милая девушка! Может быть, сама того не зная, она помогла мне. Благодаря ей я поняла одну очень важную истину. В любой, даже самой трагичной ситуации нужно уметь видеть прекрасное. Это помогает жить. И я часто вспоминала об этом в минуты отчаяния, когда, казалось, легче умереть, чем прожить хотя бы еще один день. Передо мной всякий раз возникало лицо Лиды, слышались ее слова. И становилось легче... И давняя мечта о счастье, о любви, забытой нежности снова начинала теплиться где-то внутри... Только спустя годы я поняла, что все это было не напрасно.

...Они познакомились в 1956 году, на юбилейном вечере Шостаковича в Московской консерватории, и вскоре поженились. Их свадьба состоялась спустя год после ее реабилитации.

— Я никогда не думала, не слышала и не читала ни в одной книге, что можно жить так радостно и счастливо, единой душой, как жили мы с Василием Васильевичем Сухомлиным. Произошло Чудо... То страшное, что осталось позади, та точка стала вдруг многоточием, а не точкой в конце. И значит, вся моя жизнь была в итоге счастливой.

Что еще вспоминается ей сегодня, о чем думается? Трудно судить. В наши смутные, обмельчавшие духом времена, ее жизнь кажется непостижимой, загадочной. Такой, наверное, и останется навсегда...

...А пророчество все же сбылось. То самое, которое услышала еще в юности от одной вешуньи. Пожилая бледная женщина с холодными глазами пристально смотрела в какой-то стеклянный шар и сулила ей счастье, успех, признание.

— Но когда все это исполнится? — спросила Татьяна.

— В будущем, — последовал короткий ответ.

«Путь мой долгий,
путь мой длинный,
Я порой в стране
пустынной,
Но улады есть
в пути...»

Ее будущее оказалось тернистым. И обещанное признание замешкалось, споткнувшись где-то на полдороге. Так уж сложилось, мы узнали о ней лишь в начале 80-х.

Татьяна Лещенко-Сухомлинова пришла к нам, издерганным проблемами, озлобленным, забывающим о любви. Пришла, чтобы спеть удивительные строки и хоть малой толикой восстановить утраченную связь времен, без которой не опомниться нам, наверное, не подняться.

Наталья ГОРОБЕЦ.

На снимке: после освобождения из лагеря, у мамы, в Орджоникидзе, 1954 г.